

Е. Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: mf11@mail.ru

Славянские календарные обычаи в горной Колывани начала XX века (по полевым материалам 2000-х годов)

Известная непревзойденным камнерезным искусством горная Колывань, изделия из которой украшают Эрмитаж в Санкт-Петербурге и другие музеи мира, практически не рассматривалась учеными в историко-этнографическом отношении. Актуальность исследования этнических особенностей календарных обычаев поселенцев этой горной местности заключается в выявлении своеобразия традиционного образа жизни начала XX в., поддерживаемого этнокультурной памятью и связями с окружающей средой. Под этнокультурной памятью понимаются представления и знания этнических общностей о своей традиционной культуре, таким образом, эта память является инструментом сохранения народной идентичности, связывая прошлые традиции с современностью. Источником послужили полевые материалы автора, собранные во время работ Восточнославянских этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2000, 2006 гг. в с. Колывань Курьинского р-на Алтайского края, а также Государственный архив Алтайского края (ГААК, фонды С. И. и Н. С. Гуляевых). Специфика календарных обычаев колыванцев отражала этнокультурный состав населения с. Колывань и Колывано-Воскресенских заводов с севернорусскими и, возможно, полесскими корнями не только крестьянского, но и разночинного сословий, выражалась во включенности в праздничные ритуалы окружающего горного ландшафта.

Ключевые слова: календарные обычаи, русские сибиряки, горная Колывань, Рудный Алтай.

E. F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: mf11@mail.ru

Slavic Calendar Customs in the Kolyvan Mountains of the Early 20th Century (Based on Fieldwork from the 2000s)

The mountainous region of Kolyvan is known for its unrivaled stone carving. Its items adorn the Hermitage in St. Petersburg and other museums around the world. So far this region has received virtually no historical or ethnographic attention from scholars. The study of ethnic and cultural aspects of calendar customs among the settlers of this mountainous region reveals the uniqueness of the traditional way of life of the early 20th century, sustained by the ethnic and cultural memory and connections to the surrounding environment. Ethnic and cultural memory comprises ideas and knowledge of ethnic communities about their traditional culture, and serves as a tool for preserving ethnic identity by linking the traditions of the past with the present. Research sources were field evidence gathered by the author during the Eastern Slavic Ethnographic Expeditions of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in 2000 and 2006 in the village of Kolyvan in Kurya District of Altai Krai and in the State Archives of Altai Krai (SAAK, Collections of S. I. and N. S. Gulyaevs). Specific features of the Kolyvan calendar customs reflected the ethnic and cultural composition of the people living in the village of Kolyvan and at Kolyvan-Voskresensk factories. They were of the Northern Russian and possibly Polesie origins, not only from the peasantry but also from the commoners. Their calendar customs included the surrounding mountain landscape into the festive rituals.

Keywords: calendar customs, Russian Siberians, mountain Kolyvan, Rudny Altai.

Введение. Историческая справка

Реальные научные исследования потребовали комплексного использования описательного, идеографического и индуктивного подходов, что продиктовано, с одной стороны, особенностями этнографиче-

ских источников (визуальные наблюдения, интервью), с другой стороны, важностью обнаружения уникальных параметров и поиску обобщений для раскрытия сущности изучаемых явлений. Для любого исследования актуальной представляется проблема адекватности восприятия этнографом, продуктом своего

времени и своей культуры, иной культуры другого времени и нередко пространственного расположения. Не секрет, что серьезная ошибка может закрасться в толкование этнических традиций только из-за того, что исследователь не имеет возможности «вжиться» в среду и как следствие этого стереотипы современной ментальности накладываются на ценностные представления людей прошлого. Все эти тонкие методологические моменты принимались автором во внимание при сборе первичных материалов в 2000, 2006 гг. в с. Колывани и их последующих интерпретаций. Во время экспедиции на Троицу и в Духов день совместно с местными жителями был совершен поход на вершину г. Синюха и зафиксированы местные поверья и представления о святых местах, источниках, также рассказы и бывальщины о чудесных явлениях и исцелениях.

Вопреки трактовкам ученых относительно происхождения топонима с. Колывань (обычно указывают на существование такого города на месте совр. Таллина, ранее Колывань) [Родионов, 2007, с. 43], по местным русским народным преданиям основателем села Колывани был русский Иван, который вкопал кол и стало место называться «Кол Ивана» (ПМА, 2000, № 4, л. 4). Возведенный А. Демидовым в четырех километрах от села в 1729 г. Колыванский медеплавильный завод впоследствии получил название Колывано-Воскресенского* [История Сибири, 1968, с. 228].

После перехода алтайских промышленных предприятий Демидовых в руки царского Кабинета русские владения на Алтае были укреплены в 50-х гг. XVIII в. Колыванской линией, которая в 60-е гг. несколько сдвинулась к югу и стала называться Колывано-Кузнецкой и обрастать деревнями и поселками [Там же, с. 182]. Впоследствии Колывано-Кузнецкие укрепления были дополнительно усилены переведенными сюда казаками (донскими, запорожскими) [Там же, с. 187; Алексеенко, 1961, с. 7, 8]. Населения вокруг Колывано-Воскресенских заводов и рудников формировалось как из вольных переселенцев (беглых крестьян из помещичьих имений), отставных солдат и казаков, так и ссыльных помещиками дворовых людей и крестьян (т.н. посельщиков). Наряду с основной массой сибирских крестьян, относившихся к государственному, невозможно не учитывать большую группу населения, имевшую сословное название – разночинцы, которые вели свое происхождение от служилых людей, «осевших на пашню». Массовым источником пополнения основного состава – мастеровых были наборы крестьян из приписных деревень в счет рекрутов. Есть упоминания в рукописях ученого-сибироведа С. И. Гуляева, что часть «служителей» поступала из более старых районов горнодобывающей

промышленности – с Олонецких заводов и Урала, а также Вятской, Вологодской, Пермской губерний (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 229. Л. 58; ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 214. Л. 14). В документах XVIII в. работавшие на уральских и алтайских заводах крестьяне в большинстве указывались как «пришлые» [Кафенгауз, 1949, с. 355]. Половина перешедших из центра Европейской России на уральские и, возможно, потом на алтайские заводы прибыла из Тулы и Тульского уезда [Там же, с. 358]. Источниками пополнения Колывано-Воскресенских заводов были также специалисты, получавшие офицерские звания, из небогатых дворян и разночинцев, дети мастеровых, прошедшие специальную подготовку, иностранные мастера по контракту [История Сибири, 1968, с. 236]. Массовое переселение в конце XIX в. крестьян из Центральной России было связано с аграрным кризисом 80–90-х гг.

Как показали полевые исследования 2000, 2006 гг., историческая память у многих колыванцев утеряна (не в курсе откуда и когда приехали их деды и прадеды). Однако можно предположить, что они, подобно своим некогда скрывавшимся предкам, привыкли утаивать информацию о себе. Местные жители назывались «сибиряками», русская идентичность подразумевалась сама собой, хотя потомки немецких, эстонских переселенцев здесь тоже проживали. В качестве первых жителей поселения называют фамилии «мастеровых» – Букреевых, Воротниковых, Дороховых, Ивачёвых, Поднебесных, Пановичей, Тихобаевых и др., которых считали коренными сибиряками. Старый термин, обозначавших горнорабочих «бергалы» (от нем. «берг», горы), хотя изредка и фиксировался, однако к 2000-м гг. уже плохо сохранился в памяти.

Когда русские проникли в Горную Колывань, перед их глазами открылись разнообразные очертания гор, которые получили названия в зависимости от формы, характера поверхности, цвета (синеющая по утрам г. Синюха, покрытая лесом г. Мохнатка, или Моховая, безлесная г. Лысая, частично безлесная г. Плешивая). Горы также получали названия в соответствии с произрастаемыми дикоросами (г. Орешная, г. Таволошная) и выполняемыми или приписываемыми молвой функциями (г. Будачиха, или Будка будто бы «будачит», собирает тучи к дождю; г. Караульная, с которой видно далеко окрестности) и пр. По рассказам местных жителей, до середины 1960-х гг. у подножия горы Синюха стоял православный монастырь. У проживавших там монахов были сделаны погреба и ходы внутри горы.

Календарные обычаи в этнокультурной памяти

Информаторы в 2006 г. выказывали непонимание относительно содержания новогодних праздников, например, почему под Рождество и под Крещение не наряжаются, а в Новый год «рядятся». «Бабы мужи-

* Местные жители рассказывали, что зимой 2000 г. сюда приезжала в качестве почетного гостя прапраправнучка А. Демидова.

ками рядились, мужики бабами. Маски надевали тоже. Там вся-ко ходют» (Пимонова*, л. 17 об.) (рис. 1). Это свидетельствует не только об угасании человеческой памяти, но о результативности пропаганды атеизма в крае. До революционных реформ и запретительных мер на Рождество готовили, а пожилые люди и сегодня готовят, поминальное блюдо в виде кутьи (вареный рис с изюмом) «в память о распятом Иисусе Христе».

По общерусскому обычаю накануне всех значимых праздников, главным образом, двенадцатых (Рождество, Чистый четверг, Пасха, Троица и пр.) у колыванцев было принято посещать баню. Во время праздников исключалась известная женская забота – прядение. Приведем обычное пояснение информаторов: *«Прясть ни в один праздник нельзя. Праздник, он и есть праздник. Праздник проработаешь – неделю пролежишь. Женщин это касается»*. В Колывани не проживали старообрядцы, видимо, поэтому здесь не почитались праздностью пятничные дни, когда могли прясть.

В 1940–50-х гг. Новый год по новому стилю отмечали елкой в «зале», как называли горницу, т.е. большую чистую комнату дома. Родители заранее заготавливали для детей кулечки «С Новым годом», причем рассчитывая не только на своих, но и на приглашенных. Как и ранее по традиции обходных обрядов, а также престольных праздников было принято по приглашению посещать дома односельчан, где они читали стихи и пели песни, угощались сладостями и получали подарки.

В 1960-е гг. местные учащиеся сельскохозяйственного техникума собирались к известной колыванской «бабке» на гадания, которые скорее напоминали спиритические сеансы, а не народные традиции. *«Четыре человека руки положат на стул. Стул должен быть без железных гвоздей... и отстукивало. Стук стулом раздавался. В год, когда в Афганистане началась война в 1979... он стучал и она сказала, что через 12 лет будет война, так и случилось»* (Еремеева**, л. 24).

В начале XXI в. группы обходчиков угощали либо на улице, либо приглашая в дом. Пожилые люди в курсе, что рассыпанное в их доме зерно «куда по-

Рис. 1. Жительница с. Колывань Л. А. Пимонова. Фото автора.

пало не кинешь», но нужно его собрать и дать курам «или еще кому для хозяйства».

В ночь под Крещение (19 января н. ст.) как ранее, так и сегодня, пожилые люди рисуют над окнами и дверями крестики. В сам праздник из числа желающих купаются в проруби. *«На ПлотинЕ купались, это река Белая загорожена»* (Пимонова, л. 18). До недавнего времени набирали воду в 12 часов ночи из ключей (родников), например, Змеевского ключа (названного по той причине, что водились змеи) (рис. 2). Самое

Рис. 2. Часовня над Змеевским ключом, Рудный Алтай, начало XX в.

* Пимонова Любовь Алексеевна, 1929 г.р., пос. Колывань Алтайского края. Деды Клочки и Козловы приехали давно, точных данных не сохранилось. Родителей называли «сибиряками» (не чалдонами, не казаками). Отец Л. А. привез жену, этническую немку, из Германии (ПМА, 2006, № 37).

** Еремеева Клавдия Максимовна, 1920 г.р. (?), пос. Колывань Алтайского края (ПМА, 2006, № 37).

Рис. 3. Семья жителей с. Колывань М. С. Лисовцовой. Из семейного архива.

главное условие было соблюдение тишины. Крещенской, или как здесь еще называли, «молчальной», водой смачивали голову и брызгали за пазуху, а также кропили дома. *«Утром рано нацедишь бутылочку на стыке Сочельника и Крещения в 12 ночи. А последнее время стали брать в колонках, а не на ключах. И сейчас истинные верующие ездят на ключи. Есть много ключей – к «8 Марта», на Маслозаводе, за прудом. Молчат все при этом, так и называется молчальная вода»* (Еремеева, л. 26). Сейчас, подобно многим другим соседям, колыванцы стараются облегчить себе походы за святой водой не к ключам, а к близ расположенным колонкам. *«На Крещение бегали за водой в ночь в 12 часов надо. Идешь молча на колодец, молча набираешь воду и молча идешь домой. Здесь и родников много...»* (Лисовцева*, л. 22 об., 23) (рис. 3).

Хотя зимой активно катались с гор, отдельного внимания заслуживает факт отсутствия упоминаний о народном празднике Масленице и связанных с ним обычаев. На 40 мучеников (22 марта н. ст.) пекли из пресного теста жаворонков, но точное количество выпечки стерлось из памяти. *«Баба Катя все раздавала детям, соседям. Делали птичкам головки, крылышки. Хвост разрезали, глазки – дырочки»* (Еремеева, л. 26 об.). Во время экспедиции нам показыва-

ли, как делали таких птичек: две полоски укладывали крест-накрест и одна перекидывалась крестом как бы обертывая первую полоску – получались крылья. Отдельно формировали носик, хвостик и глазки. Дети съедали этих жаворонков на улице, но прежде делали волнообразные движения руками, имитируя полеты птиц. Песенки-заклички весны в памяти не сохранились.

Согласно православной традиции в праздник Благовещения (7 апреля н. ст.) соблюдались жесткие запреты на «грязные» работы (пряжание). Обращает внимание факт придания большого значения расчесыванию волос, плетению кос, что полагалось делать накануне. Объяснялось это «заповедью», что в этот день *«Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет»* (Пименова, л. 18). *«В Благовещение даже нельзя подносить гребешок к голове, тем более чесать или заплетать косы. Боже спаси, с головой что-либо сделать! Поэтому так говорили про птицу, что голова будет болеть»* (Еремеева, л. 27). В том, чтобы готовить еду, ничего греховного информаторы не видели.

До того, как праздник 1 мая стал Днем солидарности трудящихся, «маевки», «гуляния» как праздники встречи лета проводились на природе на горе Будке. *«Народ очень чтил праздники, и все были веселыми и пели. В Логутке – там поет компания, тут поет компания. Пели и мужчины, и женщины. Собирались кто родственники, кто знакомые кутками **»* (Виш-

* Лисовцова (дев. Гащенко) Мария Сергеевна, 1920 (?) г.р., г. Колывань Алтайского края (ПМА, 2006, № 37; ПМА, 2000, № 4, л. 1).

** Здесь: кутками, т.е. компаниями.

някава*, л. 9 об., 10). Ситуация рубежа XX–XXI вв. противопоставлялась ранее бытовавшей традиции коллективного пения тем, что люди перестали петь («сейчас никого на улице не слышно»).

К Пасхе готовили специальное угощение, например, из сухофруктов заранее варили кисель как первое блюдо (Лисовцева, л. 22). Его ставили в прохладное место, чтобы к празднику застыл. Паски из сдобного теста выпекали в виде круглого хлеба с большим крестом и 4-мя малыми крестами (по подобию просфор), сверху смазывали взбитыми белками. Варили яйца и красили их луковой шелухой без узоров.

После ночной церковной службы, пробуждаясь утром на Пасху, делали вид, что умывались крашенками, катая их по лицу. Как объясняли информаторы, «чтобы краса была». *«Лицо выкатывалось яйцом, чтобы краса была, богатая на верное»* (Лисовцова, л. 22 об.). В первый день Пасхи, кроме того, брали мелочь в ладошки и умывались водой, «чтобы деньги водились». *«Обыкновенные деньги прикладывали как будто умываешься, мама говорила так»* (Лисовцова, л. 22 об.). По общерусской традиции утром первого дня праздника каждый член семьи получал по яйцу и предлагал кому-либо стукнуться с ним. В Колывани находились шутники, которые заранее вытачивали себя яйца на заводе из горных пород и, таким образом, разбивали яйца соперников, становясь обладателями большого их числа.

После церковной службы коллективными гуляниями и песнями отмечали Красную горку (следующее воскресенье после Пасхи). Еще не так давно, на памяти пожилых людей, сохранялся обычай катания на горках яиц, причем, не с лотков, а по земле или по уже подросшей траве. *«Там у нас горка была, вот с горки и пускали яйца. Много людей пускали, просто по траве. С кем стукнулся – забирает»* (Еремеева, л. 25, 25 об.).

Если говорить о степени почитания праздников в начале XX в., то выделялись летние, прежде всего Троица. Именно до Троицы надо было высадить все огородные культуры, как говорили информаторы, «засунуть все в землю». Массовые гуляния сопровождалось пением в горах: *«На Троицу на Будке вот этих насаждений не было, там одни в одном месте гуляли, другие в другом. И по всей Колывани казацки песни»* (Лисовцева, 2006, № 37, л. 4; ПМА, 2000, № 4, л. 1). Молодежь собиралась на «полянку», которую в 1950-х гг. называли «тырло» (место села, где никто не жил). В отличие от взрослых компаний, выпивка среди молодых людей исключалась. Информаторы вспоминали про троицкие гуляния девушек, куда парней не звали. Девичьи гуляния (без кумлений

и похорон кукушки и пр.) напоминали записанные нами в Нижегородчине обеденные в обрядовом содержании праздники (например, в 1996 г. в с. Тетерюгино, Подвьязь и пр. Нижегородской обл., ПМА, 1996, № 36). Троицу отмечали чаепитием: *«Стол ставили, скамеечки делали. Самовар выносили, чай пили. У нас дом был недалеко от речки Змеевка. И там у нас кустарник был, лес. А мы жили рядом, от нас стол и выносили»* (Еремеева, л. 23).

В начале XX в. и вплоть до 1950–1960-х гг. к Троице со всех окрестных населенных пунктов (с. Поспелиха, г. Рубцовк, г. Змеиногорск) приходили пешие богомольцы, монашки. *«Они оброк какой-то давали. Говорили, что дали оброк Господу, чтобы детей дал»*, – рассказывала М. Н. Вишнякова (Вишнякова, л. 12 об.). Поднимались на гору с христианскими песнопениями женщины по т.н. «бабьей тропе», а те, кто не мог, просили монашек сходить и помолиться за них. До революции 1917 г. дорога на г. Синюха была расчищенной, проторенной, поэтому конные повозки, нагруженные коллективной провизией, ехали почти до середины горы. В начале крестный ход останавливался около святого источника, бывшего из-под земли, где проходил праздничный молебен со священником, после чего участники набирали святой воды. При желании богомольцы могли забираться еще выше по скалам до святого места, представлявшее собой прямоугольное в плане ущелье со стоящей в центре каменной плитой («столом») и углублением в виде чаши с водой, которая никогда не иссякала.

Эти троицкие восхождения на г. Синюху продолжают до сих пор. Автор совершала восхождение на гору вместе с несколькими людьми на Духов День. *«Сегодняшний Духов День ходили на гору Синюху. Богу молились на самой вершине перед крестом. Подле этой чаши все трапезы проводили, молитвы читали. Возле чаши, где отвесная скала с иконой, кажется, там изображена Божия мать. Святую воду из чаши брали, считается как целебная»* (Еремеева, л. 25 об., 26). Очевидцы и участницы таких восхождений рассказывали, что «старицы подойдут к этой чаше», вычерпают ее платочками и пока сядут отдохнуть, вода из камня опять выступит. «Синюха полна воды!» С собой колыванцы несли не только праздничное угощение, но и лоскуты ткани, ленты, чтобы повязать на деревья.

По общерусскому обычаю накануне Троицы в Колывани рубили березки и расставляли их дома и на улице. Дома березовые веточки в виде букетиков ставили на обеденный стол. Информаторы вспоминали, что березки стояли нарядные, их украшали «жарками», т.е. цветами-огоньками. Букетиками из «жарков» украшали иконы в красном углу. Характерный для южнорусских крестьян обычай разбрасывать по полу траву здесь не фиксировался, но некоторые информаторы, например, К. М. Еремее-

* Вишнякова (дев. Пимонова) Мария Николаевна, 1924 г.р., пос. Колывань Алтайского края. Деды с тремя сыновьями приехали из России, точные сведения отсутствуют. Жили в ЛогУтке (районе Колывани) (ПМА, 2006, № 37).

ва, сообщали, что у них в семье разбрасывали по полу богородскую траву.

Колыванцы ходили отмечать праздник на природе, к облюбованным местам в горы и обязательно рядом с ручьями (ключами) или на оз. Белое. Присутствовали гармонисты и люди пели, прислушиваясь к горному эху. *«На Троицу гора Будка колетя, поет песни*». Пели старинные песни, эхо носилось»* (Лисовцова, л. 1). По нашим наблюдениям, в 2000-х гг. колыванцы тоже собирались компаниями у подножия г. Синюха и устраивали застолья.

Сохраняется поверье в провидческие способности кукушки на Троицу, когда птичка садилась на крышу дома и куковала не в сторону леса или гор, а как бы обращаясь к домашним. *«Загадывали. Кукушка, кукушка, сколь лет мне жить?»* (Вишнякова, л. 11 об.).

В ходе полевых работ встречались интересные сообщения, например, от М. С. Лисовцовой про хождение с «кустом» («кустом наряжаются»), что, возможно, отражает происхождение их предков из западного Полесья, а также Гродненской и Витебской губ. [Славянские древности, 2004, с. 68]. Из рассказов вырисовываются элементы магии «вызова дождя», т.к. традиция украшать березки не только цветами, но и тряпочками здесь хорошо фиксируется и связана с водой. *«Куст наряжали перед Троицей. Идут по всей деревне, куст впереди несут. Куст – ветки рвут из березы, на них тряпочки вешают. Его несут на палке. Как проводы весны по всей деревне кустом наряжаются. Наряжаются кто во что горазд, как на свадьбе. Женщины мужиками. Идут с песнями. И вот обязательно до половины деревни доходим – дождик. Вот сколько я жила, все-таки вымаливали дождик»* (Лисовцева, л. 1 об.).

В Колывани не было обычая плести девушкам троичские венки, но, как вспоминали, венки плели на все летние праздничные гуляния. Для венков рвали полевые цветы (васильки, ромашки, ветренники). После праздника венки выбрасывали, поэтому гадальные практики с ними не фиксировались. В изучаемое время здесь не был известен и обычай «кумления» (духовного породнения) среди девушек.

Праздник Ивана Купала (6 июля н. ст.) сопровождался обильными обливаниями. *«С ведрами бегали по улице, обливали первого попавшего. Всех подряд и девушки обливали парней, и парни девушек»* (Вишнякова, л. 11). *«Иван Купала – бегали по улице, купались, обливались водой»* (Еремеева, л. 25). Здесь отсутствовали такие составляющие сибирского праздника Купалы, как поиски кладов, цветка папоротника, сборы купальской росы и пр. Вместе с тем в начале XX в., деды наших информаторов 1920-х гг. р., жгли костры и прыгали через огни. Про русалок и других персонажей славянской мифологии у колыванцев

смутные представления (исключение составляют поверья в «колыванского змея», «горного батюшку»). Хотя среди людей бытуют рассказы о том, что кто-то из их соседей «колесом катался», главным образом под купальскую ночь, которых выявляли общеизвестным способом – повреждением конечностей или других частей тела.

День памяти Святых Петра и Павла помнили пожилые люди, но особых обычаев или обрядов приурочено не было. В Петров день колыванцы соблюдали запреты на работы («боялись работать»), т.к. считалось, что в случае несоблюдения «на людей или на скот может напасть мор» (Еремеева, л. 28). Считая этот праздник «грозным», боялись и ждали, куда «Петр свой гнев обратит – на людей или животных». Если что-то случилось, то говорили, что «Пётр нашёл» (здесь: наказал. – Авт.).

Дни памяти Святых Кирика и Улиты (28 июля н. ст.) также почитались за «грозные», опасные, так как были распространены представления о выпадающих на этот период грозах и молниях. Люди предпочитали не работать, так как опасались, что во время полевых работ на Кирики и Улиты большая вероятность быть убитым молнией. Не только во времена онные передавались рассказы об убийствах людей, но и известны вполне реальные истории: *«Семья Бердышевых была на покосе, ударила в стог молния и всю семью убила»* (ПМА, № 4, л. 4 об.).

В праздник Илии-пророка сохранялись запреты не только на работы, но и на купания в водоемах: *«Купаться уже боялись»*. Из праздников т.н. Спасов, почитали первых два. На первый «яблочный» (19 августа н. ст.) снимали ранетки и угощали соседей. *«Ранетки (еще вариант «яблетки») здесь всегда были, их держали за яблоки»*, – говорили местные жители. Многие колыванцы занимались пчеловодством и держали ульи, поэтому в «медовый» Спас собирали мед и угощали детей и всех желающих. Эта традиция сохраняется и сегодня.

После посевной и помочей собирались гулять на колыванские озера. *«Убирали и садись всем «Гарбузом», сколь народа было!»* (Пимонова, л. 15). Угощение готовили обильное, обычно называли борщи, картошку, рыбные пироги, курники, пельмени, вареники, густые кисели из сухофруктов, мучные кисели из паслена. Интересны местные горячие напитки, которые готовили в чугунах (или в «заварниках») в печи из тертой моркови, листа малины, меда. Этот душистый безалкогольный напиток называли «чаем». К чаепитию с самоварами подавали булочки, пряники, шанежки, пироги, драники и пр.

Даже те люди, которые не посещали церковные службы, помнили и почитали «родителей», т.е. отмечали Родительские дни. Важным поминальным днем считалась Троица, когда ходили на кладбище и раскладывали на могилах «стряпанное», яйца и пр. угощение, рассыпали пшено. «Поминание» и сегод-

* Здесь рассказчица имела ввиду разносимое в горах эхо.

ня включает застолье родственников «кутами» состряпанными изделиями из дрожжевого теста, а также подаяние милости в виде еды или денег.

Выводы

Народный календарь русских Рудного Алтая в с. Колывань начала XX в. обладал спецификой по отношению к другим, равнинным, районам и составлял с горным ландшафтом этноэкологическую систему. Горы и горные источники были свидетелями праздников колыванцев, сопровождавшихся песнями, игрой на гармошках. Календарные обычаи и народные представления о содержании праздников позволяют раскрыть ключевые механизмы духовного освоения этого края русскими в контексте адаптации. Под «духовным освоением» понимается процесс «присвоения» горного пространства, превращения его в «свое» через культуру, ментальность и обрядность. Не случайно народная топонимика не только предлагает рациональные объяснения природным объектам, но включает местные названия в былички (например, о «золотой карете»), сказы (в т.ч. о событиях времен Гражданской войны в мифологическом ключе), поверья (в святые источники, камни и пр.).

Так как работы первопоселенцев Колывани (бергалов, приписных крестьян и пр.) на рудниках и заводах продолжались днем и ночью, включая праздники, сложившиеся в этой среде некоторые славянские/русские календарные обычаи, предстояли в несколько обедненном виде. Так, отсутствие в этнокультурной памяти информаторов ярких эпизодов о народном празднике Масленицы более характерно для бело-русско-украинской, а не сибирской, традиции. Специфику составляли летние праздники троичного цикла, в т.ч. день Святого Духа, когда семьи уходили в горы, к святым ключам, камням и устраивали молитвенные собрания, а также т.н. маевки – коллективные угощения на свежем воздухе.

Вместе с тем в горной Колывани чувствовалось влияние культуры городского типа, что проявлялось, например, в забвении некоторых общеславянских традиций, замене гадальных практик спиритическими сеансами и пр. Быт и культура колыванцев отличались от крестьян степных районов в сторону большей модернизации, хотя фиксировались и архаичные обычаи, известные по материалам таких заповедников славянских культур как Полесье, Витебщина. Указанную специфику можно объяснить сложным этнокультурным составом населения Колывано-Вос-

кресенских рудников и заводов, включенность в него не только крестьянского, но и разночинного сословий, а также нерусских этнических групп.

Финансирование

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

Алексеев Н. В. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв.: автореф. дис ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1961. – 13 с.

История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. – Т. 1. – М.; Л., 1949. – 524 с.

Родионов А. Колывань камнерезная. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2007. – 328 с.

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е. Ф. Фурсова, М. В. Васеха, О. В. Голубкова, Р. Ю. Федоров, Н. И. Шитова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 281 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М.: Международные отношения, 2004. – 704 с.

References

Alekseenko N. V. Russkaya kolonizatsiya Rudnogo Altaya v XVIII–XIX vv.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Leningrad, 1961. 13 p. (In Russ.).

Fursova E. F., Vasekha M. V., Golubkova O. V., Fedorov R. Y., Shitova N. I. Sibir' i sibir'yaki: etnokol'turnaya identichnost' russkogo i drugih vostochno-slavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. 281 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri. T. 2. Sibir' v sostave feodal'noj Rossii. Leningrad: Nauka, 1968. 538 p. (In Russ.).

Kafengauz B. B. Istoriya hozyajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv. Opyt issledovaniya po istorii ural'skoj metallurgii. Tom 1. Moscow; Leningrad, 1949. 524 p. (In Russ.).

Rodionov A. Kolyvan' kamnerezная. Barnaul: Altajskij Dom pečhati, 2007. 328 p. (In Russ.).

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'. Tom 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 704 p. (In Russ.).

Фурсова Е. Ф. <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

Дата сдачи рукописи: 11.05.2026 г.